

Р₁

Р 60

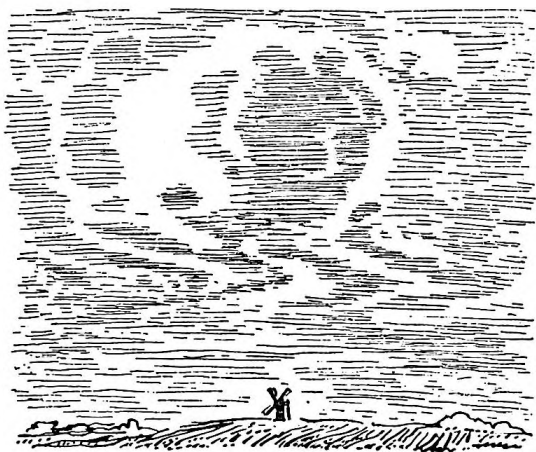
ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

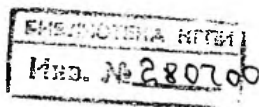
РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

СТИХИ

Ленинград
«Детская литература»
1986

P1
P60

Вступительная статья,
состав и примечания Н. П а в л о в а

Рисунки и оформление
Е. З в о н ц о в о й

P 4803010101—140 143—86
M101(03)—86

© Вступительная статья. Состав.
Примечания. Рисунки. Оформление.
Издательство «Детская литература», 1986 г

РОССИИ «ПОЭТИЧЕСКАЯ ВЕСТЬ»

(Образы родной природы в русской лирике)

Вряд ли есть что-нибудь столь же властно занимающее человеческий ум и воображение, как природа. И это вполне естественно: человек — дитя природы, с первых шагов своих он ощущает могучие силы окружающего мира.

Человек растёт, взрослеет — и его отношение к природе изменяется. Оно становится более многосторонним и осознанным. Учёный наблюдает природные явления и открывает всемирные законы; техник ставит их на службу людям. А лесовод, например, не даёт оскудеть зелёным запасам земли и тем помогает природе сберечь и приумножить свои силы.

А поэт... поэт находит в природе созвучия своим переживаниям, воплощает их в образы, с помощью которых рассказывает нам о сложных законах жизни человеческой души. Так природа помогает человеку лучше понять самого себя.

Отличие поэтического отношения к природе от научного, практического заключается прежде всего в том, что поэт наделяет её переживаниями, свойствами и чертами живого существа, иными словами — одушевляет. А. Пушкин стремился разгадать «тайну» весны: «... или с природой оживлённой / Сближаем думою смущённой / Мы увяданье наших лет, / Которым возрожденья нет?» («Евгений Онегин»), а В. Жуковский радовался вешнему обновлению души и мира («жизнь души, весны приход»). Поэт созерцает осень и думает об одряхлении, о смерти все-

го вокруг (у А. Майкова: «...листья шумят под ногой, / Смерть стелет жатву свою») или надеется на будущее: «Странник печальный, утешься! / Вянет Природа / Только на малое время; / Всё оживится, / Всё обновится весною...» (Н. Карамзин, «Осень»).

Такое отношение к природе уходит своими корнями в седую древность. Всем известно имя А. Афанасьева — замечательного собирателя русских народных сказок. Но очевидно, не все знают, что он является автором одной очень интересной книги — «Поэтические воззрения славян на природу». В ней А. Афанасьев говорит, опираясь на изученные им произведения фольклора, что источником и толчком народного словесного творчества было «сочувственное созерцание природы, которое сопровождало человека в период с о з д а н и я я з ы к а» (*разрядка моя.* — Н. П.). Иначе говоря, человек воспринимал могучие силы стихий как нечто живое, способное чувствовать и потому не столько изображал природу, сколько беседовал с ней.

Такая двусторонняя связь между человеком и природой характерна не только для древней поэзии. Вспомним: «Колокольчики мои, / Цветики степные!» (А. Толстой); «Что стоишь, качаясь, / Тонкая рябина?» (И. Суриков). Действительно, каждый подлинный поэт, стремясь сказать своё слово, как бы заново открывает для себя родной язык. И именно сочувственное отношение к окружающей природе — высшей творческой силе нашего мира — позволяет поэту создавать запоминающиеся образы. Представление о единстве человека и природы, отличающее славянский фольклор, переходит в русскую классическую поэзию XVIII—XIX веков и от неё — в наши дни.

Но особенное, сокровенное отношение русских поэтов к природе не случайно и вот ещё почему. Подумаем о том, что слова «природа», «родник», «народ», «рожь», «родина» и многие другие в говорах жителей различных областей России — однокоренные, связаны с понятием «родства» (а «корень» слова связан с «корнем» дерева). И, рисуя словесный пейзаж, например, подобный тому, что всем нам с детства известен по картине И. Шишкина — хлебное поле с убегающей вдаль дорогой и тёмным дубом на окоёме, — поэт не просто думает о себе и о природе, но и помнит о крестьянском труде, об исторической судьбе русского народа, о необъятных просторах нашей Родины.

Красота родного пейзажа, красота человеческой души, красота отчей земли и труда на её нивах сливаются в русской лирической поэзии в одно гармоническое целое:

А в поле труд... Обычной чередой
Идёт косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою,—
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймёт,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

(К. Случевский)

Традиции пейзажной лирики, как и многого другого в русской поэзии, были заложены Александром Сергеевичем Пушкиным. В главах романа в стихах «Евгений Онегин», в стихотворениях «Зимнее утро», «Деревня», «Осень» поэт достиг удивительного сочетания возвышенности чувств и реалистичности каждой детали описываемого. Литературный критик Н. Добролюбов так сказал об этом в 1860 году: «До Пушкина отвращение от всякого естественного чувства и верного изображения обыкновенных предметов простиралось до того, что самую природу старались искажать... Пушкин долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале предмета, а в самом предмете, как он есть. Но сила его таланта, умение чутъ, ловить и воссоздавать естественную красоту предметов — победили дикое упорство фантазёров, и в этом-то приближении к реализму в природе состоит величайшая литературная заслуга Пушкина».

После Пушкина, который сказал «уж небо осенью дышало, уж реже солнышко блистало» и ещё — «дохнул осенний хлад» и которому читатель верит как непререкаемому авторитету, мы уже не задумываемся над тем: может ли небо действительно дышать? Вслед за поэтом мы одухотворяем природу (слова «дышать» и «душа» тоже ведь однокоренные!) и только удивляемся новизне его точности:

Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...

Точность у Пушкина не только художественная, но и физическая: пруд в самом деле сначала именно застывает, покрываясь тонкой плёнкой первого льда, то есть «останавливается» сверху, а не промерзает. Пруд останавливается, а ручей ещё бежит, так как его течение сильнее...

Любимое время года Пушкина — осень в её то плавном («люблю я пышное природы увяданье»), то внезапном («снег выпал только в январе, на третье в ночь») переходе к зиме. Этот период в народе называют ещё «замыканием». И приметы, которыми поэт описывает зиму, поистине великолепны:

На красных лапках гусь тяжёлый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лёд,
Скользит и падает...

«Высокая поэзия и... гусь?» — скажет кто-нибудь. Но посмотрите, как это подмечено наблюдателем и как «сделано» поэтом. Гусь вовсе не так уж тяжёл, он начинает казаться тяжёлым только потому, что не может плыть, то есть находится в наиболее привычной для себя стихии, — и это, оказывается, настоящая зимняя примета. Наконец, взгляните, как нарастает стремительность весёлого действия: в первой строчке нет глагола, во второй — деепричастие, затем — глагол настоящего времени, а в последней — два глагола подряд, причём занимают они только полстрочки!

«Здоровью моему полезен русский холод», — признавался весело Пушкин, и оттого зима в его стихах вся блеск и сверканье. Поэт описывает это время как радостный праздник: «Опрятней модного паркета / Блестает речка, льдом одета», «блестя на солнце, снег лежит», «И мягко устланные горы / Зимы блистательным ковром». И даже тревоги у «зимнего» Пушкина «блестящие», а картины природы — контрастные.

В каждый зимний пейзаж поэт почти обязательно добавляет один красный «мазок» — как бы цветовой символ праздника, — особенно яркий на фоне снежной белизны: «красные лапки» гуся, ямщик «в красном кушаке», наконец —

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный,—
Пора, красавица, проснись,
Открой сомкнуты негой взоры...

Не только предметы реально красные, но и красавица (красна девица) и даже розы, которые Пушкин рифмует с морозом или сочетает с созвучными словами «взоры», «узоры», включаются в цветовую гамму его зимы, напоминая нам о загорающемся на холоде румянце.

Этот фольклорный приём изображения зимы через контраст цвета, который мы находим у Пушкина, позже использовался Н. Некрасовым (поэма «Мороз, Красный нос»), И. Суриковым, И. Никитиным. И во всей отечественной литературе прошлого века зима, как наиболее оригинальное явление нашей природы, нашего контрастного климата, становится образом русской души, определённым символом национального мироощущения. Именно с зимой связывал своё ощущение Родины А. Фет:

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна...

А в стихах И. Никитина, одного из наиболее близких традиционному фольклорному творчеству поэтов XIX века, зима изображена как народный праздник, гулянье, отдохновение от летних крестьянских работ. Зима воспринимается никитинскими героями как нечто «свое», родное, с чем человек русский связан кровными узами. И оттого «матушка-зима», долгожданная «гостья-зима» у И. Никитина — добрая заступница от невзгод и даже — от врагов: «И случится ли, к нам/Гость незванный придёт/И за наше добро / С нами спор заведёт<...> Для постели ему / Белый пух припаси / И метелью засыпь / Его след на Руси!» («Встреча зимы»).

Радостно поддаваясь очарованию пушкинской музыки, многие поэты воспевали «первый снег», философски осмыслили сходные моменты и явления в жизни человека и природы (стихотворения П. Вяземского, Е. Баратынского, Н. Языкова). И если В. Белинский говорил о «Евгении Онегине» как об «энциклопедии русской жизни», то «Листопад» Ивана Бунина можно было бы назвать «каталогом» картин русской осени:

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой, пёстрой стеной
Стоит над светлою поляной.

К изображению времён года Бунин подходит иначе, чем Пушкин. Ему важно не одной, пусть предельно конкретной, деталью обозначить переходность состояния природы, но развернуть перед читателем объёмную, многостороннюю картину. Поэт добавляет всё новые и новые цвета: «Берёзы жёлтою резьбой / Блестят в лазури голубой». Кончаются цвета осенней палитры — Бунин обращается к звукам, стремясь при этом добавить ещё какой-то оттенок:

Заквохчет дрозд, перелетая
Среди подседа, где густая
Листва янтарный отблеск льёт...

Затем приходит черёд запахов, шорохов, мгновенных движений, и вдруг — невероятное: бунинская картина, столь усердно и подробно раскрываемая перед нами поэтом, внезапно оживает —

И Осень тихую вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.

Образы оригинальные, чисто бунинские, но отношение к природному явлению то же, что и у всех крупных русских поэтов прошлого века: личностное, способствующее пониманию окружающего нас мира как живого, чувствующего и ранимого существа...

Следуя своим душевным наклонностям и вкусам, лирические поэты выбирали из круговорота многообразных явлений русской природы наиболее им близкое и понятное. И если А. Пушкин, Е. Баратынский, А. Майков, А. Плещев, И. Бунин отдавали предпочтение осени, то Ф. Тютчев, А. Толстой, А. Фет с замечательным по глубине чувством воспели в своих стихах весеннее обновление, «размыкание», освобождение от ледяных оков, происходящее в вешней природе.

Многие произведения этих поэтов начинаются и буквально пронизаны словом «ещё», подчёркивающим переходность состояния природы и души; из четырёх периодов суток они также выбирают самые подвижные, трудноуловимые — утро и вечер: у Ф. Тютчева — «зима ещё хлопочет», «ещё в полях белеет снег»; у А. Фета — «ещё весны душистой нега к нам не успела низойти», «ещё светло перед окном».

Этот выбор не случаен, он отвечает органическим свойствам поэтического таланта А. Фета и Ф. Тютчева. В их творчестве русская поэзия XIX века достигла вершины своей музыкальности, а именно весна и лето, как известно, наиболее яркие, насыщенные звуками ожившей природы времена года.

В фетовском восприятии природа — хор упорядоченных гармонических звуков, на которые отзывается человеческое сердце, полное чувства любви и красоты:

Прозвучало над ясной рекой,
Прозвенело в померкшем лугу.
Прокатилось над рощей немой,
Засветилось на том берегу.

И вновь перед нами связь двусторонняя: в свою очередь, человек разумом и благородным чувством способствует гармоничности окружающего мира. Не случайно поэтому художественное пространство стихотворений А. Фета четко организовано — на звук откликается эхо, звезда отражается в водной глади...

И вполне естественно, что наиболее яркое воплощение эта обратная связь взаимоотношений человека и природы нашла в произведениях, восходящих к так называемой календарной поэзии и посвящённых сельскому труду.

Сейчас, когда крестьянская страда менее, чем прежде, зависит от погодных условий, от своевременно выпавшего дождя или неожиданного града, пожалуй, трудно вспомнить все веки естественного природного календаря. Но в общем-то заботы крестьянские — всё те же, что и раньше. Вот как Н. Гоголь описал деревенскую жизнь прошлого века в прозаической поэме «Мёртвые души»: «...тут человек идёт рядом с природой, соучастник и собеседник всего, что совершается в твореньи. Рассмотрите-ка круговой год работ: как ещё прежде, чем наступит весна, всё уже настоroje и ждёт её; подготовка семян, переборка, перемерка по амбарам хлеба и пересушка; установление новых тягол... А как взломается лёд, да пройдут реки, да просохнет всё и пойдёт взрываться земля — по огородам и садам работает заступ, по полям соха и бороны; садка, севы и посевы... Наступило лето. А тут покосы, покосы. И вот закипела вдруг жатва: за рожью пошла рожь, а там пшеница, а там и ячмень, и овёс. А как отпразднуется всё да пой-

дѣт свозиться на гумны, складываться в кладн, да зимние запашки, да чинки к зиме амбаров, риг, скотних дворов... А зима! Молотьба по всем гумнам, перевозка перемолотого хлеба из риг в амбары...». Какая величественная картина многообразного труда и как хорошо подчеркнута его значимость неожиданным словом «отпраздновать»! Понятно, что ни один, пожалуй, русский поэт не прошёл мимо этой картины, хотя каждый, разумеется, описывал её по-своему. Вспомним ещё раз «Осень» Е. Баратынского:

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает;
Сметав в стога скошенный злак долины,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих...

Это как бы «вид сверху», конкретное в деталях и всё-таки предельно обобщённое описание работы в поле, важное для второй части стихотворения, где поэт переходит к размышлениям о смысле жизни человека вообще, называя себя оратаем, то есть возделывателем «жизненного поля».

По жанру стихотворение Е. Баратынского — элегия (название происходит от греческого слова, обозначавшего грустную, задумчивую мелодию флейты). И традиция глубинного осмысления природы и связанной с ней деятельности человека, поэтических раздумий, подчас печальных и даже скорбных, о бренности всего живого идёт от Е. Баратынского к Ф. Тютчеву и другим художникам второй половины XIX века.

Иная традиция изображения сельского труда, развивающаяся до нашего времени, связана с именами А. Кольцова, И. Сурикова, Н. Некрасова, И. Никитина, и отличается она взглядом на событие как бы «изнутри».

Писатель Г. Успенский сказал об А. Кольцове: «Поэзия земледельческого труда — не пустое слово. В русской литературе есть писатель, которого невозможно назвать иначе, как поэтом земледельческого труда — исключительно». И действительно, своего «Косаря» поэт воспевает, используя многие приемы народного песенного творчества. И уже то, что почти каждое третье слово в стихах А. Кольцова — глагол, определённо говорит о главном герое его поэзии — самом труде, ярком, сильном, резком действии.

Туча у А. Кольцова буквально источает энергию: «Ополчилась, / И расширилась, / И ударила, / И пролилась»... Такова и степь в его стихотворении «Косарь». «На каком другом языке передали бы вы поэтическую прелесть этих выражений: расстилается, пораскинулась, понадвинулась», — восхищался В. Белинский. Так же могуч и дремучий лес:

Так-то, тёмный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Человек и природа в произведениях А. Кольцова, И. Никитина соизмеримы: огромен лес, степь беспредельна в «ненаглядной красе» — и человек под стать им, красен делом, могуч. И вместе с этим человеком входит в русскую поэзию ещё одна важная идея — пространства и воли, пути-дороги:

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

(А. Толстой)

В русском национальном сознании с образом пространства, его преодоления испокон веку были связаны понятия нравственные: «он совершил подвиг (*по-двиг*)», — говорим мы и сейчас о человеке, сделавшем что-то исключительно мужественное; «*не-путёвым*» называем того, кто живёт неправильно, бессмысленно. И это не могло не найти отражения в классической русской поэзии. Возникает образ «тройки быстрых, как вихорь, коней», покоряющей бескрайний простор земли, мотив долгого зимнего пути, навещающего на воспоминания и размышления, то есть на осознание прожитого:

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет
И хохочет и визжит...

Русской степи, ночи тёмной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной
И раздолья много есть.

(П. Вяземский)

А вот ещё: «По дороге зимней, скучной / Тройка борзая бежит» (А. Пушкин); «Тройка мчится лихо, / Колокольчик звонок» (Н. Огарёв); «Под дугой колокольчик гремит, / А ямщик погоняет коней» (Я. Полонский). И ещё, и ещё... И вот уже в гениальной «русской поэме» в прозе Н. Гоголя «Мёртвые души» возникает обобщённый образ Руси — «птицы-тройки», которая покоряет невиданный доселе мировой простор!

О чём бы ни писали русские поэты XIX века: о временах года, о музыке и красках наших полей и лесов, о родных просторах или крестьянском труде — они всегда думали и помнили о главном. Это главное — любовь к Родине, бережное отношение к русскому слову и вера в великое будущее русского народа.

Н. Павлов

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН

1766—1826

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Жёлтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло —
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полётом несяся
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
Вянет Природа
Только на малое время;
Всё оживится,
Всё обновится весною:
С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

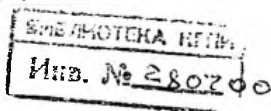

ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ

1783—1852

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ

На небе тишина;
Таинственно луна
Сквозь тонкий пар сияет;
Звезда любви играет
Над тёмною горой;
И в бездне голубой
Бесплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Приветствуют весну.

ПРИХОД ВЕСНЫ

Зелень нивы, роши лепет,
В небе жаворонка трепет,
Тёплый дождь, сверканье вод,—
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

ФЁДОР ГЛИНКА

1786—1880

НИВА

Как я люблю картину нивы,
Когда, зернистая, питанием полна,
Как перси матери-кормилицы, она
Колышется под ветерком игривым,
И перекатная волна
По ней, как по морю, гуляет...
Над ней светлей и ночи мрак;
Её природа одевает,
Как деву юную на брак!
Под сводом яхонтовым неба
Как хороша для наших глаз
Сия сокровищница хлеба!
На ней и бисер, и алмаз,
И жемчуги горят в дожде росистом...
И слышно далеко, в раздолии полистом,
Как резко звонкие кричат перепела,
И зелень, по местам, приветливо светла,
И ласково манит прохожих взоры
Огонь холодный светляка,
И селянин ещё издалека
О жатве будущей заводит разговоры.

ПЁТР ВЯЗЕМСКИЙ

1792—1878

ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет
И хохочет и визжит.

По дороге голосисто
Раздаётся яркий звон;
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи тёмной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул своё кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник и отколе?
И далёк ли путь ему?
Поневоле иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нём ретиво рвётся
В путь обратный или вдаль?
Встречи ль ждёт он—не дождётся,
Иль покинутого жаль?

Ждёт ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры
Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? уж он далёко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

1799—1837

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА В СТИХАХ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

XL

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнёт и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несётся в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовёт его рожок;
В избушке распевая, дева
Прядёт, и, зимних друг ночей,
Трещит лучина перед ней.

И вот уже трещат морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждёт уж рифмы розы;
 На вот, возьми её скорей!)
 Опрятней модного паркета
 Блистают речка, льдом одета.
 Мальчишек радостный народ
 Коньками звучно режет лёд;
 На красных лапках гусь тяжёлый,
 Задумав плыть по лону вод,
 Ступает бережно на лёд,
 Скользит и падает; весёлый
 Мелькает, вьётся первый снег,
 Звездами падая на брег.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

В тот год осенняя погода
 Стояла долго на дворе,
 Зимы ждала, ждала природа,
 Снег выпал только в январе,
 На третье в ночь. Проснувшись рано,
 В окно увидела Татьяна
 Поутру побелевший двор,
 Куртины, кровли и забор,
 На стеклах лёгкие узоры,
 Деревья в зимнем серебре,
 Сорок весёлых на дворе
 И мягко устланные горы
 Зимы блистательным ковром.
 Всё ярко, всё бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь,
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

II

Как грустно мне твоё явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжёлым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И всё, что радует, живит,
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу мёртвую давно,
И всё ей кажется темно?

III

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживлённой
Сближаем думою смущённой
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?
Быть может, в мысли нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна
И в трепет сердце нам приводит
Мечтой о дальней стороне,
О чудной ночи, о луне...

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный,—
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печальный свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни чёрной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадают одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой воротясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

ОСЕНЬ
(Отрывок)

Чего в мой дремлющий
тогда не входит ум?
Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены,
Суровою зимой я более доволен,
Люблю её снега; в присутствии луны
Как лёгкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмёт, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,

Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стёклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы-старухи,
И, проводив её блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечёт. Сказать вам откровенно,
Из годовых времён я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице ещё багровый цвет.
Она жива ещё сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривой, он всадника несёт,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промёрзлый дол и трескается лёд.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиёт,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,

И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

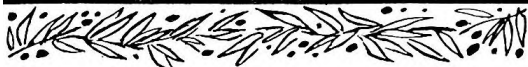
XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль
в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывёт. Куда ж нам плыть?.....
.....
.....

ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ

1800—1844

ОТРЫВОК ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ОСЕНЬ»

I

И вот сентябрь! замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виётся вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов,
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

II

И вот сентябрь! и вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.

Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий,
Качаяся, завоюет роща, дол
Покроет лист её падучий.
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

III

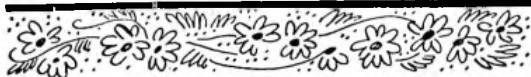
Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Весёлый сон минутных летних нег!
Вот эхо в рощах обнажённых
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убелённых,
Своих дубов и холмов зимний вид
Застылый ток туманно отразит.

IV

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает;
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся, вдоль жнивы, на возах,
Под тяжкой ношею скрывающих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъёмлется кругом крестьянских хат.

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! на строги дни себе
Припас орадай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага;
С семьёй своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ

1803—1846

ОТРЫВКИ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «ТРИГОРСКОЕ»

В стране, где Сороть голубая,
Подруга зёркальных озёр,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой,—
Там, у раздолья, горделиво
Гора трихолмая стоит;
На той горе, среди лошины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется весёлый дом
И сада тёмные картины,
Село и пажити кругом.

.....
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огненным
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют

Озёр живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон, и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песню голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтелись, там и там
Жнецы к товарищам зывали,
И по дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара,
Тяжёлый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная сень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почит лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и холмы; душен сад,
И птицы песен не заводят.

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зелёный,
Где дремлют Сороти студёной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной серебристым.
Одежду прочь! перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождём
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковёр.

ФЁДОР ТЮТЧЕВ

1803—1873

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован,—
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нём ничто не затрепешет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

* * *

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуше лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу,
И лишь румяней стала,
Наперекор врагу.

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!»

Весна идёт, весна идёт!
И тихих, тёплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

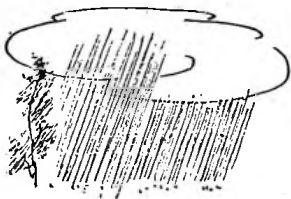
ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Всё вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

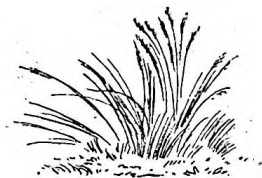
Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра тёплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил её края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз ещё взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдём и сядем под корнями
Дерев, поимых родником,—
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,—
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далёкий колокольный звон,
Как шум от стаи журавлиной,—
И в звучных листьях замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день,—
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде,—
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь —
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле.

АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ

1809—1842

УРОЖАЙ

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнём солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу чёрную;
Туча чёрная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут её
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчается
Гроном-бурею,
Огнём-молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилась,
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною —
Проливным дождём
На земную грудь,
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко,
Напилась воды
Земля досыта;

На поля, сады,
На зелёные,
Люди сельские
Не насмотрятся.

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из закрома
Насыпать в мешки,
Убирать воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать.

Третью думушку
Как задумали —
Богу-господу
Помолилися.

Чем свет по полю
Все разъехались —
И пошли гулять
Друг за дружкой.

Горстью полною
Хлеб раскидывать;
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьём
Порасчёсывать.

Посмотрю пойду,
Полкуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремит колосом
Почти до земли,

Словно божий гость,
На все стороны
Дню весёлому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывёт, лоснится,

Золотой волной
Разбегается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князья, скирды
Широко стоят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей матери.

ЛЕС

Посвящено памяти А. С. Пушкина

Что, дремучий лес,
Призадумался,
Грустью тёмною
Затуманился?

Что, Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою

Ты стоишь — поник,
И не ратуешь
С мимолётною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зелёный шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь — поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль, было,
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль, было,
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль, было,
Поздно вечером
Грозно с бурей
Разговор пойдёт;

Распахнёт она
Тучу чёрную,
Обоймёт тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
«Вороти назад!
Держи около!»

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твою,
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплachtetся
Лешим, ведьмою
И несёт свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зелёная?
Почернел ты весь,
Затуманился...

Одичал, замолк...
Только в непогоду
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, тёмный лес,
Богатырь Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень чёрная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули,

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

НИКОЛАЙ ОГАРЁВ

1813—1877

ДОРОГА

Тускло месяц дальней
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся берёзы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок;
Напевает тихо
Мой ящик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

ВЕСНА

Когда весной разбитый лёд
Рекой взволнованной идёт,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля,—
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведёт,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдёт.

* * *

Всё тихо — полная луна
Блестит меж вётел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

1817—1875

* * *

Вот уж снег последний в поле тает,
Тёплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Юный лес, в зелёный дым одетый,
Тёплых гроз нетерпеливо ждёт;
Всё весны дыханием согрето,
Всё кругом и любит и поёт;

Утром небо ясно и прозрачно,
Ночью звёзды светят так светло;
Отчего ж в душе твоей так мрачно
И зачем на сердце тяжело?

Грустно жить тебе, о друг, я знаю,
И понятна мне твоя печаль:
Отлетела б ты к родному краю,
И земной весны тебе не жаль...

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несёт меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несёт меня лихой,
А куда? не знаю!

.....

* * *

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

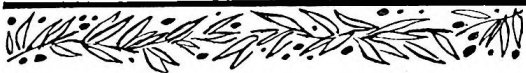
Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда её цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь её расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннюю погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой,
И немощен её на жизнь мою напор.
Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовёт толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.

Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей, чернеющей дорогой;
Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий,

И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клён,
Ещё зелёный дуб и жёлтые берёзы
Печально на меня свои стряхают слёзы;
Но дале я иду, в мечтанья погружён,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо всё кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный.

ИВАН ТУРГЕНЕВ

1818—1883

ИЗ ЦИКЛА «ДЕРЕВНЯ»

Люблю я вечером к деревне подъезжать,
Над старой церковью глазами провожать
Ворон играющую стаю;
Среди больших полей, заповедных лугов,
На тихих берегах заливов и прудов,
Люблю прислушиваться к лаю

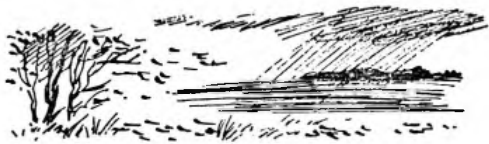
Собак недремлющих, мычанью тяжких стад,
Люблю заброшенный и запустелый сад
И лип незыблемые тени;
Не дрогнет воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
Блаженством безмятежной лени...

Задумчиво глядишь на лица мужиков —
И понимаешь их; предаться сам готов
Их бедному, простому быту...
Идёт к колодезю старуха за водой;
Высокий шест скрипит и гнётся; чередой
Подходят лошади к корыту...

Вот песню затянул проезжий... Грустный звук!
Но лихо вскрикнул он — и только слышен стук
Колёс его телеги тряской;
Выходит девушка на низкое крыльцо —
И на зарю глядит... и круглое лицо
Зарделось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, с пригорка, за селом,
Огромные возы спускаются гуськом
С пахучей данью пышной нивы;
За конопляником, зелёным и густым,
Бегут, одетые туманом голубым,
Степей широкие разливы.

Та степь — конца ей нет... раскинулась, лежит...
Струистый ветерок бежит, не пробежит...
Земля томится, небо млеет...
И леса длинного подёрнутся бока
Багрянцем золотым, и ропщет он слегка,
И утихает, и синеет...

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ

1819—1898

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.

За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздаётся в тумане дремучих лесов.—
Мне мерещатся странные сны.

Мне всё чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядёт,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поёт.

И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царём
В ту страну, где царица сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.

Там стеклянный дворец окружают сады.
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мёртвой воды —
И не веришь и веришь очам.

А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.

АФАНАСИЙ ФЕТ

1820—1892

* * *

На пажитях немых люблю в мороз трескучий
При свете солнечном я снега блеск колючий,
Леса под шапками иль в инее седом
Да речку звонкую под тёмно-синим льдом.
Как любят находить задумчивые взоры
Завейанные рвы, навейанные горы,
Былинки сонные среди нагих полей,
Где холм причудливый, как некий мавзолей,
Изваян полночью,— иль тучи вихрей дальных
На белых берегах и полыньях зеркальных.

* * *

Ещё весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Ещё овраги полны снега,
Ещё зарёй гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей ещё не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролётных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Ещё светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

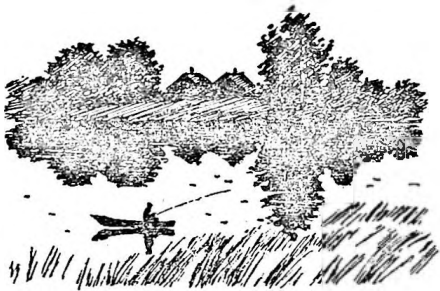
Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым мёдом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекой,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немой,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном,—
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зелёным огнём.

ДОЖДЛИВОЕ ЛЕТО

Ни тучки нет на небосклоне,
Но крик петуший — бури весть,
И в дальнем колокольном звоне
Как будто слёзы неба есть.

Покрыты слегшими травами,
Не зыблют колоса поля,
И, пресыщенная дождями,
Не верит солнышку земля.

Под кровлей влажной и раскрытой
Печально праздное житьё.
Серпа с косой, давно отбитой,
В углу тускнеет лезвие.

* * *

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползёт лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несётся рысью.

Ещё вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
Лежала бархатным ковром.

Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чём не изменяла
Непобедимая сосна.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо — всё одето
Каким-то тусклым серебром.

Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
В алмазных призраках листвы.

Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков волей фей
Перенеслись непостижимо
Мы в царство горных хрусталей.

ПСОВАЯ ОХОТА

Последний сноп свезён с нагих полей,
По стоптанным гуляет жнивьям стадо,
И тянется станица журавлей
Над липником замолкнувшего сада.

Вчера зарёй впервые у крыльца
Вечерний дождь звездами начал стынуть.
Пора седлать проворного донца
И звонкий рог за плечи перекинуть!

В поля! в поля! Там с зелени бугров
Охотников внимательные взоры
Натешатся на острова лесов
И пёстрые лесные косогоры.

Уже давно, осыпавшись с вершин,
Осинников редее глубь густая
Над гулками извивами долин
И ждёт рогов да заливного лая.

Семьи волков притон вчера открыт,
Удастся ли сегодня травля наша?
Но вот русак сверкнул из-под копыт,
Всё сорвалось — и заварилась каша:

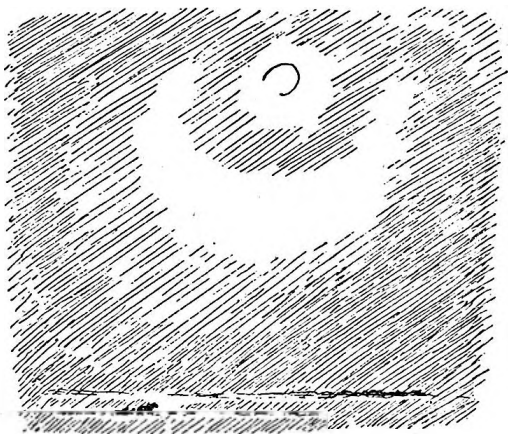
«Отбей собак! Скачи наперерез!»
И красный верх папахи вдаль помчался;
Но уж давно весь голосистый лес
На злобный лай стократно отзывался.

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ

1821—1908

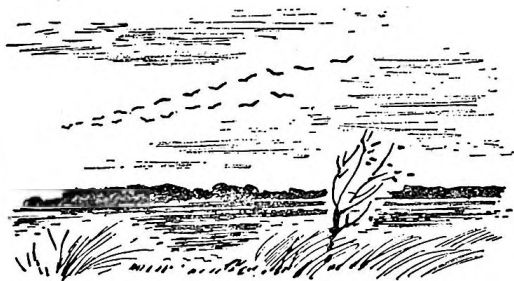
ОТДЫХ ПРИ ДОРОГЕ

На мураве присев кудрявой,
Я в одиночестве счастлив;
И всё люблюсь — то направо
Сребристой гладью сжатых нив;
То милым зрелищем налево,
Как нежной зеленью взошли
Ростки озимого посева
На чёрном бархате земли.
Смотрю, как тучки в небе тают;
Как тени их, при блеске дня,
Окрестность дымкой застилают —
И будто меркнут зеленыя;
Иль как несутся тени эти
За горизонт поверх полей...
Что проще может быть на свете
И что же может быть милей?..

ОСЕННИЕ ЖУРАВЛИ

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
Слышен крик журавлей всё ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издалёка летевшим,
Из холодной страны, с обнажённых степей.
Вот уж близко летят и, всё громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?..

Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждёт, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый,—
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!

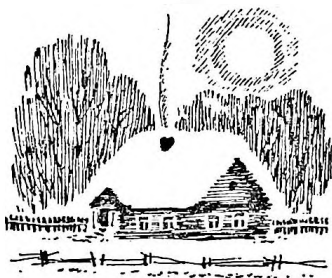
АПОЛЛОН МАЙКОВ

1821—1897

ЗИМНЕЕ УТРО

Морозит. Снег хрустит. Туманы над полями.
Из хижин ранний дым разносится клубами
В янтарном зареве пылающих небес.
В раздумии глядит на обнажённый лес,
На дома, крытые ковром молодого снега,
На зеркало реки, застынувшей у берега,
Светила дневного кровавое ядро.
Отливом пурпурным блестит снегов сребро,
Иглистым инеем, как будто пухом белым,
Унизана кора по ветвям помертвелым.
Люблю я сквозь стекла блистательный узор
Картиной новою увеселять свой взор;
Люблю в тиши смотреть, как раннею порою
Деревня весело встречается с зимою:
Там по льду гладкому и скользкому реки
Свистят и искрятся визгливые коньки;
На лыжах зверолов спешит к лесам дремучим;
Там в хижине рыбак пред пламенем трескучим
Сухого хвороста худую сеть чинит,
И сладостно ему вспомнить прежний быт,

Взирая на стекло окованной пучины,—
Про зори утренни и клики лебедины,
Про бури ярые и волн мятежный взрыв,
И свой хранительный под ивами залив,
И про счастливый лов в часы безмолвной ночи,
Когда лишь месяца задумчивые очи
Проглянут, озлатят пучины спящей гладь
И светят рыбаку свой невод подымать.

* * *

Весна! выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождём...
— Полноте, дети, его мы сберём,
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растёт, растёт, как дом...

В ожиданье конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щёки горят;
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлёк:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
Ранний подснежник я рвал;

Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал.

Что им сказала душа,
Что ей сказали они —
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой...
Смерть стелет жатву свою!
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

1821—1877

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»

* * *

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетётся ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудёт,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребёт.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт — по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде.
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит седой.
И вдруг очутился пред нею,
Над самой её головой.

Забравшись на сосну большую,
По веточке палицей бьёт
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поёт:

«Вглядись, молодница, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И крепче видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнёт,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли,—
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь замораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабёнки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей,
А пьяных, и конных, и пеших,
Дурачить ещё веселей.

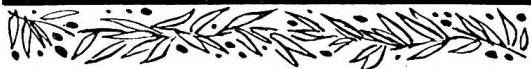
Без мела всю выбелю рожу,
А нос запалает огнём,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство моё убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в моё царство со мною
И будь ты царицею в нём!
Пощарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснём.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

ИВАН АКСАКОВ

1823—1886

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ
«БРОДЯГА»

Жар свалил. Повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот;
По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулись с работ.
Потемнеть заря уже готова;
Тихо всё. Час ночи недалёк.
Подымался и улёгся снова
На закате лёгкий ветерок!..
Говор смолк; лишь изредка собачий
Слышен лай; промолвят голоса...
Пыль слеглась; остыл песок горячий,
Пала сильно на землю роса.
По краям темнеющего свода
Тени все, широкие, слились:
Встретить ночь готовится природа;
Запахи отовсюду понеслись.
В тишине жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаёт, и будто шевелится,
И растёт, и шепчется трава!..

Где ж крестьяне? День работав бодро,
Все теперь за ужином они:
Толк идёт, чтоб устояло ведро,
Чтоб ещё продлились эти дни!
Нет, уж дождь их к утру не разбудит,
Облака давно сбежали прочь!..
Что за вечер!.. И какая будет
Тёплая и месячная ночь!

ИВАН НИКИТИН

1824—1861

* * *

Полно, степь моя, спать беспробудно:
Зимы-матушки царство прошло,
Сохнет скатерть дорожки безлюдной,
Снег пропал — и тепло и светло.

Пробудись и умойся росой,
В ненаглядной красе покажись,
Принакрой свою грудь муравой,
Как невеста, в цветы нарядись.

Полюбуйся: весна наступает,
Журавли караваном летят,
В ярком золоте день утопает,
И ручьи по оврагам шумят.

Белоснежные тучки толпами
В синеве, на просторе, плывут,
По груди у тебя полосами,
Друг за дружкой, тени бегут.

Скоро гости к тебе соберутся,
Сколько гнёзд понавьют,— посмотри!
Что за звуки, за песни польются
День-деньской от зари до зари!

Там уж лето... ложись под косою,
Ковыль белый, в угоду косцам!
Подымайся, копна за копною!
Распевайте, косцы, по ночам!

И тогда, при мерцанье румяном
Ясных зорек в прохладные дни,
Отдохни, моя степь, под туманом,
Беззаботно и крепко усни.

УТРО

Звёзды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, — воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились.
Сняли сети с шестов, вёсла к лодкам несут...
А восток всё горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встаёт, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поёт,
По плечу молодцу всё тяжёлое...
Не боли ты, душа! Отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро весёлое!

Ярко звёзд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведён костёр.

По траве высокой
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьём свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озёр,
Светлые заливы,
Без конца простор.

Звёзды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чём,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей.

Словно рад он чему,—
И на ветках берёз,
Как алмазы горят
Капли сдержанных слёз.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас,—
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать,—
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

Искони уж таков
Православный народ:
Летом, смотришь, жара —
В полушубке идёт;

Жгучий холод пахнул —
Всё равно для него:
По колени в снегу,
Говорит: «Ничего!»

В чистом поле метель
И кутит, и мутит,—
Наш степной мужичок
Едет в санках, кряхтит:

«Ну, соколики, ну!
Выносите, дружки!»
Сам сидит и поёт —
«Не белы-то снежки!..»

Да и нам ли подчас
Смерть не встретить шутя,
Если к бурям у нас
Привыкает дитя?

Когда мать в колыбель
На ночь сына кладёт,
Под окном для него
Песни вьюга поёт.

И разгул непогод
С ранних лет ему люб,
И растёт богатырь,
Что под бурями дуб.

Рассыпай же, зима,
До весны золотой
Серебро по полям
Нашей Руси святой!

И случится ли, к нам
Гость незванный придёт
И за наше добро
С нами спор заведёт —

Уж прими ты его
На сторонке чужой,
Хмельный пир приготовь,
Гостю песню пропой;

Для постели ему
Белый пух припаси
И метелью засыпь
Его след на Руси!

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ

1825—1893

ВЕСНА

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало;
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждёт чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят, кто больше всех
Природы любит обновленье!

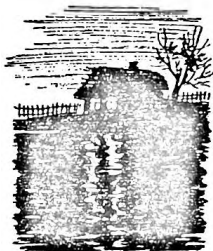
НА БЕРЕГУ

Домик над рекою,
В окнах огонёк,—
Светлой полосой
На воду он лёг.

В доме не дождутся
С ловли рыбака:
Обещал вернуться
Через два денька.

Но прошёл и третий —
А его всё нет.
Ждут напрасно дети,
Ждёт и старый дед.

Всех нетерпеливей
Ждёт его жена —
Ночи молчаливей
И как холст бледна.

Вот за ужин сели,
Ей не до еды:
«Как бы в самом деле
Не было беды».

Вдоль реки несётся
Лодочка, на ней
Песня раздаётся
Всё слышней, слышней.

Звуки той знакомой
Песни услышав,
Дети вон из дому
Бросились стремглав.

Весело вскочила
Из-за прятки мать,
И у деда сила
Вдруг нашлась бежать.

Песня заглушает
Звонкий крик ребят;
Тщетно унимает
Старый дед внучат.

Вот и воротился,
Весел и здоров,
В рассказы пустился
Тотчас про улов:

В морды он и в сети
Наловил всего;
С любопытством дети
Слушают его.

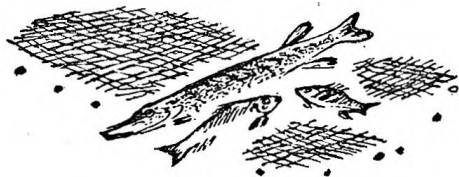
Смотрит дед на шуку,—
«Больно велика!»
Мать сынишке в руку
Сует окунька.

Девочка присела
Около сетей
И взяла несмело
Парочку ершей.

Прыгают, смеются
Дети, если вдруг
Рыбки встрепенутся,
Выскользнут из рук.

Долго раздавался
Смех их над рекой;
Ими любовался
Месяц золотой.

Ласково мерцали
Звёзды с вышины:
Детям обещали
Радостные сны.

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

1837—1904

* * *

Полдневный час. Жара гнетёт дыханье;
Глядишь прищурясь,— блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блёстки;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьёт волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмёт лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжёт движение.
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередой
Идёт косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою,—
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймёт,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

* * *

Как красных маков раскидало
По золотому полю жниц;
Небес лазурных покрывало
Пестрит роями чёрных птиц;

Стада овец ползут на скаты
Вдоль зеленеющей бакчи,—
Как бы подвижные заплаты
На ярком золоте парчи...

* * *

В отливах нежно-бирюзовых,
Всем краскам неба дав приют,
В дуплистом раме куш вербовых
Лежит наш тихий, тихий пруд.

Заря дымится, пламенея!
Вон, обронён вчерашним днём,
Плывёт гусиный пух, алея,
Семьёй корабликов по нём.

Уж не русалок ли бедовых
Народ, как месяц, тут блистал,
Себе из пёрышек пуховых
Наткать задумал покрывал?

Но петухи в свой срок пропели,
Проворно спряталась луна,
Пропали те, что ткать хотели,
Осталась плавать ткань одна!

И, эту правду подтверждая,
В огнях зари летит с полей
Гусей гогочущая стая,
Блестая рядом длинных шей.

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН

1840—1893

БЛИЗОСТЬ ОСЕНИ

Ещё осенние туманы
Не скрыли рощи златотканной;
Ещё и солнце иногда
На небе светит, и порою
Летают низко над землею
Унылых ласточек стада,

Но листья жёлтыми коврами
Шумят уж грустно под ногами,
Сыреет пёстрая земля;
Куда ни кинешь, взор пытливый
Встречает высохшие нивы
И обнажённые поля.

И долго ходишь в вечер длинный
Без цели в комнате пустынной...
Всё как-то пасмурно молчит;
Лишь бьётся маятник докучный,
Да ветер свищет однозвучно,
Да дождь под окнами стучит.

ИВАН СУРИКОВ

1841—1880

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Всё лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,
Руки не согнёшь
И домой тихонько,
Нехотя бредёшь.

Ветхую шубёнку
Скинешь с плеч долой;
Заберёшься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо всё кругом;
Только слышишь — воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетёт;
Матушка за прялкой
Молча лён прядёт.

Избу освещает
Огонёк светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнёт мне бабка
Сказки говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал;
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку,—
Сердце так и мрёт;
А в трубе сердито
Ветер злой поёт.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

А во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветёт;
В том саду большое
Дерево растёт.

Золотая клетка
На суче висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит.

Прыгает в той клетке,
Весело поёт;
Ярким, чудным светом
Сад весь обдаёт.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хватать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

ИВАН БУНИН

1870—1953

ЛИСТОПАД

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Весёлой, пёстрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Берёзы жёлтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, ёлочки темнеют,
А между клёнами синеют
То там, то здесь в листве сквозной
Просветы в небо, что оконца.
Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.

Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.

Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылёк
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мёртвое молчанье
В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листиков шуршанье.

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной поляной,
Заворожённый тишиной;
Заквохчет дрозд, перелетая
Среди подседа, где густая
Листва янтарный отблеск льёт;
Играя, в небе промелькнёт
Скворцов рассыпанная стая —
И снова всё кругом замрёт.

Последние мгновенья счастья!
Уж знает Осень, что такой
Глубокий и немой покой —
Предвестник долгого ненастья.
Глубоко, странно лес молчал
И на заре, когда с заката
Пурпурный блеск огня и злата
Пожаром терем освещал.
Потом угрюмо в нём стемнело.
Луна восходит, а в лесу
Ложатся тени на росу...
Вот стало холодно и бело

Среди полян, среди сквозной
Осенней чащи помертвелой,
И жутко Осени одной
В пустынной тишине ночной.
Теперь уж тишина другая:
Прислушайся — она растёт,
А с нею, бледностью пугая,
И месяц медленно встаёт.
Все тени сделал он короче,
Прозрачный дым навёл на лес
И вот уж смотрит прямо в очи
С туманной высоты небес.
О мёртвый сон осенней ночи!
О жуткий час ночных чудес!
В серебристом и сыром тумане
Светло и пусто на поляне;
Лес, белым светом залитой,
Своей застывшей красотой
Как будто смерть себе пророчит;
Сова, и та молчит: сидит,
Да тупо из ветвей глядит,

Порою дико захохочет,
Сорвётся с шумом с высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядет на кусты
И смотрит круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонам, как в изумленье;
А лес стоит в оцепенении,
Наполнен бледной, лёгкой мглой
И листьев сыростью гнилой...

Не жди: наутро не проглянет
На небе солнце. Дождь и мгла
Холодным дымом лес туманят,—
Недаром эта ночь прошла!
Но Осень затаит глубоко
Всё, что она пережила
В немую ночь, и одиноко
Запрётся в тереме своём:
Пусть бор бушует под дождём,
Пусть мрачны и ненастны ночи
И на поляне волчьи очи
Зелёным светятся огнём!
Лес, точно терем без призора,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чащам бора,
С него местами крышу снял
И вход сырой листвой усыпал;
А там зазимок ночью выпал
И таять стал, всё умертвив...

Трубят рога в полях далёких;
Звенит их медный перелив,
Как грустный вопль, среди широких
Ненастных и туманных нив.
Сквозь шум деревьев, за долиной,
Теряясь в глубине лесов,
Угрюмо воеет рог туриный,
Скликая на добычу псов,
И звучный гам их голосов
Разносит бури шум пустынный.
Льёт дождь, холодный, точно лёд,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелёт.
Но дни идут. И вот уж дымы
Встают столбами на заре,
Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре,

И в горностаевом шугае,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.
Двор пуст и холоден. В ворота,
Среди двух высохших осин,
Видна ей синева долин
И ширь пустынного болота,
Дорога на далёкий юг:
Туда от зимних бурь и выюг,
От зимней стужи и метели.
Давно уж птицы улетели;
Туда и Осень поутру
Свой одинокий путь направит
И навсегда в пустом бору
Раскрытый терем свой оставит.

Прости же, лес! Прости, прощай!
День будет ласковый, хороший,
И скоро мягкою порошей
Засеребрится мёртвый край.
Как будут странны в этот белый,
Пустынный и холодный день
И бор, и терем опустелый,
И крыши тихих деревень,
И небеса, и без границы
В них уходящие поля!
Как будут рады соболя,
И горностаи, и кунницы,
Резвясь, и греясь на бегу
В сугробах мягких на лугу!
А там, как буйный пляс шамана,
Ворвутся в голую тайгу
Ветры из тундры, с океана,
Гудя в крутящемся снегу

И завывая в поле зверем,
Они разрушат старый терем,
Оставят колья и потом
На этом остове пустом
Повесят иanei сквозные,

И будут в небе голубом
Сиять чертоги ледяные
И хрусталём, и серебром.
А в ночь, меж белых их разводов,
Войдут огни небесных сводов,
Заблещет звёздный щит Стожар —
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится пожар,
Расцвет Полярного Сиянья!

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБЪЯСНЕНИЕ

МИФОЛОГИЧЕСКИХ, РЕДКИХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Аврора — богиня утренней зари в римской мифологии.

Багрянница, или порфира, — торжественная красная одежда владетельных особ.

Благовест — звон колокола во время церковной службы.

Вёдро — солнечная, сухая погода.

Гёба — в греческой мифологии богиня вечной молодости, дочь Зевса, исполнявшая на пирах богов роль виночерпия.

Горние (высоты, пределы) — небесные; в переносном значении — относящиеся к духовному миру.

Денница — звезда любви, утренняя звезда; планета Венера, названная по имени богини любви в римской мифологии.

Донёц — конь донской породы.

Дриады — низшие божества деревьев и леса в греческой мифологии.

Дровни — сани без кузова для возки леса и тяжестей.

Зазимок — первые морозы или снег.

Зевс (Зевес) — верховный бог-громовержец в греческой мифологии.

Зеленя — молодые всходы озимых хлебов.

Камелёк — камин.

Куртина — клумба, цветочная грядка.

Ланиты — щёки.

Морды — плетённая из лозы рыболовная снасть.

Найды — низшие божества водной стихии в греческой мифологии.

Ора́тай — хлебопашец, тот, кто работает сохой — ора-
лом (церковнославянское).

Отбивать (косу, серп) — точить, острить.

Отъезжие поля — далёкие от жилья, предназначенные
для псовой охоты.

Па́жить — луг или поле, где пасётся скот.

Пёрлы — нитка жемчуга, ожерелье.

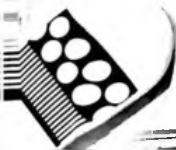
Пёрси — грудь.

Подсёд — подлесок.

Светёц — железный треножник для вставления горячей
лучины.

Стожа́ры — название различных (по местностям) со-
звездий: Плеяд, Тельца, Малой и Большой Медведицы.

Эол — владыка ветров в греческой мифологии.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. ПАВЛОВ. России «поэтическая весть» (Образы родной природы в русской лирике)	5
НИКОЛАЙ КАРАМЗИН	
Осень	15
ВАСИЛИЙ ЖУКОВСКИЙ	
Близость весны	17
Приход весны	18
ФЁДОР ГЛИНКА	
Нива	19
ПЁТР ВЯЗЕМСКИЙ	
Тройка	20
АЛЕКСАНДР ПУШКИН	
Отрывки из романа в стихах «Евгений Онегин»	22
Зимнее утро	28
Зимняя дорога	30
Осень (Отрывок)	32
ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ	
Отрывок из стихотворения «Осень»	37
НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ	
Отрывки из стихотворения «Тригорское»	40

ФЁДОР ТЮТЧЕВ	
«Чародейкою Зимой...»	43
«Зима педаром злится...»	44
Весенние воды	45
Весенняя гроза	46
«Неохотно и несмело...»	47
«Смотри, как роща зеленеет...»	48
Вечер	—
«Есть в осени первоначальной...»	50
АЛЕКСЕЙ КОЛЬЦОВ	
Урожай	51
Лес. Посвящено памяти А. С. Пушкина	56
НИКОЛАЙ ОГАРЁВ	
Дорога	59
МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ	
«Выхожу один я на дорогу...»	60
Весна	62
«Всё тихо — полная лупа...»	—
АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ	
«Вот уж снег последний в поле тает...»	63
«Колокольчики мои...»	64
«Край ты мой, родимый край...»	65
«Когда природа вся трепещет и сияет...»	66
ИВАН ТУРГЕНЕВ	
Из цикла «Деревня»	68
ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ	
Зимний путь	70
АФАНАСИЙ ФЕТ	
«На пажитях немых люблю в мороз трескучий...»	72
«Ещё весны душистой нега...»	—
Весенний дождь	73
Вечер	74
Дождливое лето	75
«Летний вечер тих и ясен...»	—
«Ещё вчера, на солнце млея...»	76
Псовая охота	77
«Чудная картина...»	78
АЛЕКСЕЙ ЖЕМЧУЖНИКОВ	
Отдых при дороге	79
Осенние журавли	80

АПОЛЛОН МАЙКОВ

Зимнее утро	81
«Весна! выставлется первая рама...»	83
Летний дождь	—
Сенокос	84
Осень	85

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

Отрывки из поэмы «Мороз, Красный нос»	87
---	----

ИВАН АКСАКОВ

Отрывок из поэмы «Бродяга»	91
--------------------------------------	----

ИВАН НИКИТИН

«Полно, степь моя, спать беспробудно...»	93
Утро	95
«Ярко звёзд мерцанье...»	96
Встреча зимы	98

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ

Весна	102
На берегу	103

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

«Полдневный час. Жара гнетёт дыхание...»	106
«Как красных маков раскидало...»	107
«В отливах нежно-бирюзовых...»	108

АЛЕКСЕЙ АПУХТИН

Близость осени	109
--------------------------	-----

ИВАН СУРИКОВ

Детство	110
-------------------	-----

ИВАН БУНИН

Листопад	115
--------------------	-----

Примечания	123
----------------------	-----

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

Составитель
Николай Георгиевич Павлов

Ответственный редактор
Н. Е. Прийма
Художественный редактор
В. П. Дроздов
Технический редактор
О. Е. Иванова
Корректоры
Н. Н. Жукова и В. Г. Арутюнян

ИБ 8882

Сдано в набор 16.12.85. Подписано к печати 14.04.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная № 2 Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 4,53. Тираж 400 000 экз. (2-й завод 200 001—400 000 экз.). Заказ № 2410. Цена 35 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Р60 Родные просторы: Стихи/Вступ. статья, состав и примечания Н. Павлова; Рис. и оформл. Е. Звонцовой.— Переизд.— Л.: Дет. лит., 1986.—127 с., ил. (Школьная б-ка.)

В пер.: 35 коп.

Сборник стихотворений русских классиков о природе.

Р 4803010101—140 143—86
М101(03)—86

Р1

